

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

1904—1905.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВѢНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1906.

مهرلوق بمنعم عهده мухурлуғ, снабженный печатью.

مستلم بصريه مусаллам, утвержденный, закреплённый, обеспеченный за
ктамъ. Слово арабское.

بسنحتى мрәһһан, собственное имя города. Ср. бұзрұғ = جزرك.

رعایت رحمتهم рѣјәјәт, милость, вниманіе (высшаго лица, особенно хана,
къ низшему). Слово арабское.

П. Мелиоранскій.

О Тырскихъ памятникахъ.

Подъ именемъ Тырскихъ памятниковъ извѣстны двѣ каменотесныя плиты, стоявшія на вершинѣ отвѣсной скалы Тырь на правомъ плѣ восточномъ берегу Амура, приблизительно въ 95 верстахъ отъ впаденія его въ море. Присутствіе ихъ было замѣчено и съ нихъ были сдѣланы снимки однимъ изъ первыхъ русскихъ изслѣдователей Амура г. Пермькинымъ вскорѣ послѣ открытія его для плаванія русскихъ судовъ, обусловленнаго Айгуньскимъ договоромъ 1857 года.

Но по этимъ снимкамъ извѣстный синологъ Архимаандритъ Аввакумъ могъ разобрать только заглавіе памятника на китайскомъ языкѣ гласившее: «юнь-чипъ-сыг-цзя» т. е. надпись кумирни вѣчнаго спокойствія, да еще молитвенное воззваніе буддистовъ: Омъ-Мани-Падмэ-Хумъ¹⁾.

Вторымъ изъ ученыхъ востоковѣдовъ, обратившимъ вниманіе на эти памятники, былъ нашъ знаменитый синологъ, академикъ В. П. Васильевъ, замѣтка котораго подъ названіемъ «Записка о надписяхъ открытыхъ на памятникахъ, стоящихъ на скалѣ Тырь близъ устья Амура» была помѣщена въ 4 т. Извѣстій Император. Академіи Наукъ за 1896 г. Изъ нея мы узнаемъ, что по крайне плохо сдѣланнымъ первымъ снимкамъ памятниковъ можно было установить только то, что они были поставлены въ ознаменованіе кумирни, которая была построена здѣсь и возобновлена послѣ разрушенія. Къ болѣе подробному разбору памятниковъ и ознакомленію съ ихъ содержаніемъ представилась возможность только послѣ того, какъ извѣстный знатокъ-любитель китайскаго языка М. Г. Шевелевъ сдѣлалъ и доставилъ новый болѣе удовлетворительный снимокъ.

1) Le fleuve Amour par C. Sabir. Paris. 1861. V. Monuments Chinois des environs de Tyr.

Въ дальнѣйшихъ извлеченіяхъ изъ этой краткой записки почтеннаго академика мы не видимъ надобности, такъ какъ представляемый нами ниже переводъ надписи одного изъ памятниковъ и извлеченіе изъ другой, хотя и плохо сохранившейся, дадутъ намъ возможность полнаго ознакомленія съ содержаніемъ ихъ. Но мы не можемъ опустить безъ вниманія замѣчанія В. П. Васильева огромной научной важности о томъ, что «первый изъ памятниковъ, кромѣ китайскаго текста, содержитъ еще вѣроятно переводъ его на монгольскій и чжурчжэньскій языки». Но къ этому послѣднему предположенію о существованіи на памятникѣ чжурчжэньскаго текста почтенный ученый отнесся съ нескрываемымъ удивленіемъ и скептицизмомъ, находя страннымъ фактъ употребленія чжурчжэньскаго языка послѣ того, какъ сами чжурчжэни прекратили свое политическое существованіе и родственная имъ маньчжурская династія, до введенія собственнаго алфавита, прибѣгала къ монгольскому языку.

Первый переводъ перваго изъ тырскихъ памятниковъ на русскій языкъ принадлежитъ нашему извѣстному монголологу А. М. Позднѣеву. Онъ былъ сдѣланъ имъ въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія (1898?) также со снимка М. Г. Шевелева, по монгольскому переводу его и помѣщенъ въ его лекціяхъ по исторіи монгольской литературы. При этомъ существованіе на памятникѣ чжурчжэньскаго текста принимается имъ уже за фактъ, подлежащій сомнѣнію. Наши замѣчанія по поводу этого перевода помѣщаются ниже въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ нашему переводу памятника.

Мною также отъ М. Г. Шевелева, еще во время моего пребыванія въ Пекинѣ, своевременно былъ полученъ фотографическій и притомъ только китайскій текстъ перваго и лучше сохранившагося тырскаго памятника. Разобранный и списанный мною текстъ оказался съ значительными пропусками. Предполагая, что археологу-китайцу удастся лучше и полнѣе разобратъ текстъ, писанный на его родномъ языкѣ, я обратился за содѣйствіемъ къ находившемуся въ числѣ членовъ Китайскаго Министерства Иностранныхъ дѣлъ, моему хорошему знакомому, извѣстному археологу Юань-чану, который потомъ, къ глубокому сожалѣнію всѣхъ знавшихъ его, былъ казеннѣ главари Ихэтуаньцевъ въ 1900 г. Послѣ тщательнаго изученія памятника и г. Юаню не удалось возстановить ни одного новаго іероглифа. Затѣмъ другія занятія и событія отвлекли надолго мое вниманіе отъ этого памятника и только въ недавнее время, просматривая, изданное 2—3 года тому назадъ, огромное Статистическое Описаніе Гириньской провинціи—Цзылинъ-тунь-чжи, я встрѣтилъ въ послѣдней его главѣ, посвященной археологіи, китайскіе тексты обоихъ тырскихъ памятниковъ, сопровождаемые отдѣльными историческими справками и соображеніями по предмету содержанія

ихъ, которыя показались мнѣ довольно цѣнными. Но самый текстъ перваго памятника оказался съ гораздо большимъ количествомъ пробѣловъ, чѣмъ разобранный мною. До какой степени велико въ немъ количество пустыхъ мѣстъ можно заключить изъ того, что изъ 5 страницъ его составляющихъ на одной мы имѣемъ только 30 иероглифовъ, а на другой 34 вмѣсто 200. Не въ лучшемъ видѣ представленъ въ Описаніи и текстъ втораго памятника, относящагося къ возстановленію кумирни послѣ ея разрушенія съ датой 9-й годъ Правленія Сюань-дэ, т. е. 1434 г. Не имѣя своего текста этого втораго памятника я не беру на себя полного, связнаго перевода его, а ограничиваюсь только возможными извлеченіями.

Первый Тырскій памятникъ.

Надпись на памятникѣ въ Нурганьской Кумирнѣ Юнь-нипъ-сы (вѣчнаго спокойствія), построенной по высочайшему повелѣнію.

Извѣстно, что качества неба—это высота и свѣтъ; поэтому оно можетъ покрывать (все). Качества земли—это обширность и толщина; благодаря этому она можетъ поддерживать (все). Качества мудреца—это разумъ и премудрость; благодаря этому онъ можетъ радовать ближнихъ, покорять отдаленныхъ, широко благодѣтельствовать и помогать всѣмъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ наша великая династія объединила Китай, Вселенная наслаждается спокойствіемъ 50 лѣтъ. Весьма трудно перечислить всѣхъ восточныхъ и южныхъ инородцевъ¹⁾, которые, карабкаясь по горамъ и переплывая моря, непрерывною вереницею били челомъ у подножія дворца. Находящееся на СВ. отъ Китая владѣніе Нургань лежитъ за отдаленными инородцами. Народъ его называется Цзи-лѣ-ми²⁾ и между нимъ смѣшанно живутъ разные дикари. Всѣ они сгорали любовью къ нашему просвѣщенію (т. е. готовы были признать власть Китая), но не могли сами придти. Къ тому же земля ихъ не родитъ хлѣба, не производитъ полотна и шелка и жители ихъ разводять только собакъ и дикихъ³⁾ занимаются рыболовствомъ, питаются мясомъ и одѣваются въ шкуры и любятъ . . .⁴⁾. Трудностей заготовленія пищи и одежды невозможно выразить. Поэтому августѣйшій императоръ отправилъ посланца въ ихъ владѣнія . успокоенія

1) У А. М. Поздняева: Не прошло 50 лѣтъ, а между тѣмъ 9 инородцевъ и 8 маней . . .

2) Въ переводѣ А. М. Поздняева мы не имѣемъ упоминанія о Цзи-лѣ-ми.

3) «Оленей» въ переводѣ Поздняева—что очень правдоподобно.

4) Словъ «стрѣлять изъ лука», имѣющихся у Поздняева, намъ разобрать не удалось.

..... Но сердце государя... , что роздано пехорошо. Весною 9-го года правления Юнь-лэ (1413) парочито отправленъ придворный чиновник Ишиха во главѣ 1000 сляшкомъ человекъ правительственнаго войска на 25 большихъ лодкахъ¹⁾ съ тѣмъ, чтобы снова достигнуть ихъ владѣнія и уговорить Нурганей. вмѣстѣ... народомъ. прежнее занятіе..... Сегодня снова увидали свѣтъ Божій. Вслѣдъ за симъ .. правительство ... правителемъ . остальнымъ государъ пожаловалъ властныя дщицы, бунчуги, печати и наградилъ платьемъ .. деньгами (ассигнаціями). Отправлено было въ большомъ количествѣ . . Опираясь на внезапно появившійся отрядъ съ . . , собравъ старое подвластное населеніе, предоставилъ его собственному управленію²⁾. Зимомъ 10-го года Юнь-лэ (1412) сынъ неба приказалъ придворному чиновнику Ишиха . . отправиться въ это владѣніе. Всѣхъ жителей на З. отъ моря до Нурганя, включая и заморскихъ Ку-я'сцевъ³⁾, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ пожаловалъ платьемъ и утварью, далъ имъ хлѣба, угостилъ ихъ виномъ и кушаньями; всѣ .. были рады и не было ни одного человека, который бы не изъявилъ покорности. Отъ императора пожалована золотая печать⁴⁾ (выбрано) мѣсто для построенія . . (очевидно кумирни), для просвѣщенія народа и наученія его почтительности и послушанію. Государъ вслѣдствіе .. пародъ взаимно ... На З. отъ Нурганя была станція Мань-цинъ; палѣво отъ нея лежала высокая и красивая гора, поэтому на ней осенью 11-го года (1413) и воздвигли кумирню въ честь Гуань-инь (Авалокитешвары). Теперь, когда построили кумирню и вылѣпили изображение будды, наружный видъ . . прекрасный Нурганьскіе старики и малыя дѣти, близкіе и далекіе толпами наперерывъ устремлялись .. всѣ говорили могущество . . никогда не будетъ эпидемій и будемъ наслаждаться спокойствіемъ. И затѣмъ прибавляя: искони вѣковъ мы не слышали ничего подобнаго народа радостно приходитъ. Дѣти и внуки изъ поколѣпія въ поколѣпіе будутъ покорны . . (и признательны) за благодѣянія. Изъ этого видно, что даже за предѣлами 10.000 странъ народы всей земли ни голодаютъ, ни холодають, радуются⁵⁾ . . и признательны. Гуман-

1) 55 у Позднѣва.

2) У Позднѣва: «Западъ поставилъ кумирню... приготовилъ угощеніе». О постановкѣ кумирни и угощеніи въ нашихъ текстахъ мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго намѣка.

3) О Ку-и, подъ которымъ разумѣется о-въ Сахалинъ мы въ переводѣ г. Позднѣва не встрѣчаемъ упоминанія.

4) Вмѣсто словъ: «Золотая печать» мы имѣемъ у г. Позднѣва «... Золото (Цзиньская династія»).

5) Выраженіе «народъ не голодаетъ, не холодаеть и веселится», являющееся обыкновенною характеристикою гуманнаго правленія, у г. Позднѣва переведено словами. «Трудно не знать голода и холода и быть веселыми».

ное правленіе Яо и Шуня (сосредоточивалось) въ предѣлахъ 9 областей. А нынѣ нашъ государь распространяетъ милости на всѣхъ варваровъ и всѣ идутъ съ данью ко двору его и изъявляютъ ему покорность безъ употребленія силы оружія. Въ Чжунь-юнѣ сказано ¹⁾: Повсюду, гдѣ небо простираетъ свой покровъ, гдѣ земля поддерживаетъ твари, гдѣ свѣтятъ солнце и луна, гдѣ падаютъ иней и роса, тамъ всѣ одушевленные существа почитаютъ и любятъ (государя); поэтому говорится, что онъ чета небу». Дѣйствительно это изрѣченіе относится къ нашему Обладающій совершеннѣйшею и постоянною искренностью по субстанціи тождественъ съ небомъ . и у него нѣтъ ничего выше . Великолѣпно . По этому . . для увѣковѣченія на вѣчныя времена. 11-го года 9-й луны (1413).

Затѣмъ на памятникѣ перечисляются имена лицъ, такъ или иначе, имѣвшихъ отношеніе къ его сооруженію. Между ними мы встрѣчаемъ начальника военнаго округа, тысячниковъ, пачальниковъ гарнизоновъ, сотниковъ, по большей части съ монгольскими именами ²⁾, лекарей, надзирателя за сооруженіемъ, сочинителя надписи, писца киноварью, писца монгольскаго текста по имени Арубухуа, лѣпщика, кузнеца, мастера, вѣдавшаго приготовленіемъ кирпича и черепицы и даже кладчика. Въ этомъ перечнѣ останавливаетъ наше особенное вниманіе упоминаніе о переписчикѣ монгольскаго текста. Казалось бы, что такая же честь должна была выпасть и на долю переписчика чжурчжэньскаго текста, о которомъ упоминаетъ проф. А. М. Позднѣевъ въ своихъ Запискахъ по исторіи монгольской литературы; но этого мы на памятникѣ не видимъ.

Второй памятникъ въ той же самой кумирнѣ Юнъ-нинъ поставленъ былъ перваго числа послѣдней всееней луны 9-го года Правленія Сюань-дэ (1434 г.) т. е. черезъ 21 годъ послѣ постановки перваго.

Съ текстомъ этого втораго памятника я впервые ознакомился изъ Статистическаго Описанія Гириньской провинціи. Къ сожалѣнію отсутствіе въ приводимомъ текстѣ большей половины знаковъ дѣлаетъ полный переводъ его совершенно невозможнымъ и потому мнѣ приходится ограничиться передачею тѣхъ фактовъ, которые еще могутъ быть до извѣстной степени поняты изъ оставшихся на памятникѣ китайскихъ знаковъ.

Этимъ путемъ мы узнаемъ, что варвары разныхъ странъ приходили съ данью къ минскому двору; встрѣчаемъ также упоминаніе о народѣ Цзи-

1) Чжунь-юнъ, т. с. Обычныя, неуклонныя правила — это извѣстное философское сочиненіе Цзы-сы, внука Конфуція. Фраза надписи «въ книгѣ Чжунь-юнъ сказано» въ переводѣ г. Позднѣева обратилась въ непонятныя слова: «Внутри . . . явилось спокойствіе».

2) Сайнъ-Бухуа, Хачиръ, Алигэ, Чахань-тэмуръ и т. п.

лѣ-ми (Килеры) и Куи (Сахалинцахъ), уже знакомыхъ намъ изъ перваго памятника, доступъ къ которымъ возможенъ только на судахъ; узнаемъ, что въ царствованіе перваго Минскаго императора въ Нургань было отправлено первое посольство, но ему не удалось проникнуть туда, что новое посольство было отправлено туда при второмъ императорѣ (1403—1424) и достигло его на судахъ. Очевидно это было второе посольство внуха Ишиха, упоминаемое въ первомъ памятникѣ. Далѣе, мы узнаемъ, что въ числѣ мѣстныхъ произведеній, отправленныхъ Нурганьцами въ дань минскому двору были между прочимъ кресеты; что въ началѣ годовъ правленія Сюань-дэ (1426 — 1435) тотъ же внучъ Ишиха былъ снова отправленъ въ Нургань и украсилъ буддійскую кумирню, что въ 7-ой годъ того же правленія, т. е. въ 1432 г. императоръ приказалъ тому же внуку Ишиха вмѣстѣ съ провинціальнымъ военнымъ пачальникомъ Канъ-чженомъ во главѣ отряда въ 2000 человекъ уже на 50 большихъ судахъ отправиться въ Нургань. Тамъ они нашли все по старому, и отъ кумирни Юнгъ-шинъ осталось одно только основаніе. Поэтому Нурганьцы пришли въ трепетъ, опасаясь, что минскій посланникъ казнить ихъ; но Ишиха, проникнутый идеею милосердія своего повелителя, обошелся съ ними милостиво, удостоивъ ихъ виномъ и отдалъ приказъ о возстановленіи кумирни, и также приказалъ мастеру вылѣпить кумирь будды. Какъ самая кумирня, такъ и кумирь оказались лучше прежнихъ и народъ изъ далекихъ и близкихъ мѣстъ приходилъ на поклоненіе. Далѣе идутъ комплименты по адресу минскаго Государя, челоуколюбіе котораго простирается даже на всѣхъ варваровъ, между которыми нѣтъ ни одного голоднаго и холоднаго. Восхваляется также челоуколюбіе и его достойнаго внуха Ишиха.

Поставленъ 1-го числа послѣдней весенней луны 9-го года правленія Сюань-дэ (1434 г.) великой минской династіи.

Далѣе слѣдуютъ имена: командированный по высочайшему повелѣнію главнозавѣдующій внучъ Ишиха, завѣдующій императорскими лошадьми Чжэнь . цзянь, внучъ Фанъ . ., Военный Губернаторъ Ляо-дуна Чжэнь и Командиры Гао-суй и Цуй-юань.

На обратной сторонѣ памятника монгольская надпись. По бокамъ памятника, за исключеніемъ буддійскаго молитвеннаго восклицанія: «Омъ Мани Падмэ Хумъ» написанаго по китайски, все остальное, по словамъ составителей Описанія, написано по монгольски.

Такимъ образомъ, этотъ второй памятникъ, поставленный спустя какихъ-нибудь 20 лѣтъ послѣ перваго и притомъ тѣмъ же лицомъ не имѣетъ Чжурчженскаго текста.

Особенный интересъ представляютъ для насъ замѣчанія и историческія

справки въ Статистическомъ Описаніи Гириньской провинціи въ объясненіе надписей на вышеупомянутыхъ двухъ памятникахъ, къ которымъ мы теперь и обращаемся.

По поводу владѣнія Нургань въ Государственной Хроникѣ минскихъ государей (Минь-ши-лу) мы встрѣчаемъ, что во второй годъ правленія Юнь-лэ (1404 г.) во второй лунѣ старшина Чжурчжэньскихъ (шю-чжи) изъ Хуравэнь и другихъ мѣстъ по имени Баратала прибылъ ко двору. Тогда былъ учрежденъ Нурганьскій военный округъ и Баратала, Арасунъ и двое другихъ туземцевъ были сдѣланы военными начальниками. Въ седьмомъ году тогоже правленія (1409 г.) въ Нурганя было учреждено военное губернаторство и Канъ-ванъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ. Ежегодная дань состояла изъ кречетовъ, соболей и другихъ мѣстныхъ произведеній, для пересылки которыхъ была возстановлена собачья почта. Административныя перемены въ Нурганьской землѣ имѣли мѣсто въ 1414, 1428 и 1333 гг., т. е. въ три посѣщенія ея евнухомъ Ишиха; причемъ однако всѣ должности были наследственными.

Но первыя упоминанія о Нурганьской землѣ, по словамъ составителей Описанія встрѣчаются уже въ географическомъ отдѣлѣ Юаньской Исторіи, гдѣ говорится, что «есть прекрасная птица Хай-дунъ-цинъ (кречеть), которая прилетаетъ въ Нурганьскую землю. Въ Чжо-гэнь-лу, т. е. «Запискахъ, составленныхъ на досугѣ отъ земледѣльческихъ работъ», изданныхъ Тао Цзунъ-и въ 1368 г. также встрѣчается упоминаніе о Нурганьской землѣ, какъ странѣ, служившей мѣстомъ ссылки. Въ Минской Географіи говорится, что «отъ Нюй-чжи на С. доходятъ до Нурганьскаго сѣвернаго моря». Это именно, замѣчаютъ составители Описанія, тѣ мѣста, которыя нынѣ лежатъ по обѣимъ берегамъ Амура и на которыхъ обитаютъ Фяка, Килеръ и др. племена. Изъ Минскаго Свода Законовъ мы узнаемъ въ 1404 г. (Юнь-лэ второй годъ) Нюй-чжип'скіе дикари представлялись ко двору, послѣ чего вся ихъ земля присоединилась къ Китаю. Но Нурганьское Губернаторство учреждено было только въ 9-мъ году Юнь-лэ.

Нурганьскій народъ Цзи-лѣ-ми **吉列迷** составители Статист. Описанія Гириньской провинціи отождествляютъ съ племенемъ Цзи-ра-минь **濟喇敏** Цзиньской исторіи, съ Тѣ-лѣ-мѣ **帖烈滅** Юаньской и Алимэй **阿里眉** Киданьской географіи, называемомъ нынѣ Цзи-лэ-ми **濟勒彌**, въ дѣйствительности это Килеръ **奇勒爾**, которые, прибавимъ мы, и до нынѣ обитаютъ въ этихъ мѣстахъ.

Относительно Ку-и **若夷** составители Описанія съ полною увѣренностью утверждаютъ, что это нынѣшній о-въ **庫頁爾**, то есть Сахалинъ. Затѣмъ относительно текстовъ перваго памятника составители описа-

нія категорически утверждаютъ, что «на задней сторонѣ его и по бокамъ все монгольскія письмена и нѣтъ никакихъ другихъ и что упоминаніе въ концѣ текста памятника, при перечисленіи именъ, одного только переписчика монгольскаго текста Арубухуа не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что на задней сторонѣ и по бокамъ только эти одни письмена являются написанными въ то время», то есть однимъ изъ двухъ подлинныхъ текстовъ памятника.

Такимъ образомъ надежды на богатую лингвистическую добычу, которую сулилъ предполагаемый Чжурчжэньскій текстъ, къ сожалѣнію, повидимому должны рухнуть и намъ приходится довольствоваться только тѣмъ, что даютъ тексты китайскій и монгольскій.

Во всякомъ случаѣ вопросъ о присутствіи или отсутствіи на памятникѣ третьяго Чжурчжэньскаго текста надписи можетъ быть окончательно рѣшенъ только послѣ тщательнаго осмотра памятниковъ, хранящихся, по словамъ Пр. Позднѣва, въ Владивостокскомъ музеѣ и новаго снятія съ него всѣхъ надписей. [См. ниже, «Дополненіе». *Ред.*].

Изъ перваго мы узнаемъ 1) неизвѣстный въ Анналахъ Минской династіи фактъ, что въ первой половинѣ XV в. Минскіе императоры, вѣроятно движимые тѣмъ же самымъ чувствомъ тщеславія, которое руководило ими при снаряженіи въ тоже время огромныхъ морскихъ экспедицій въ Индійскій Архипелагъ подъ командою знаменитаго евнуха Чжэнь-хэ, распространяють свою, хотя болѣе или менѣе номинальную, власть, на устье Амура—на страну Нургань, населенную Килерами и разными дикарями и стараются подарками расположить къ себѣ сахалинскихъ островитянъ, образуютъ Нурганьскій округъ, неизвѣстный въ исторіи Минской династіи и подчиняють его наслѣдственнымъ властямъ изъ туземцевъ. 2) Для укрѣпленія въ странѣ вліянія Миновъ и развитія въ народѣ чувствъ покорности и послушанія, посланникъ ихъ Ишиха сооружаетъ буддійскую кумирню, на которую, какъ видно изъ перваго памятника, населеніе смотритъ съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ, какъ на талисманъ противъ распространенія повальныхъ болѣзней. Но съ отъездомъ китайскаго посланника впечатлѣніе это, вѣроятно подъ вліяніемъ шамановъ, увидѣвшихъ въ буддизмъ конкурента для своей религіозно-эксплуататорской дѣятельности, быстро мѣняется и дѣло, какъ это видно изъ втораго памятника, оканчивается разрушеніемъ кумирни, сооруженіе которой привѣтствовалось съ такою радостью. 3) Узнаемъ мы также изъ перваго памятника объ условіяхъ жизни и быта главнаго племени Килеръ и смѣшанно жившихъ съ нимъ разныхъ дикарей, обитавшихъ въ первой половинѣ XV в. въ мѣстахъ, прилегающихъ къ устью Амура, условіяхъ, ничѣмъ не отличающихся отъ быта современныхъ

намъ насельниковъ ихъ Гиляковъ и другихъ иноподцевъ, достояніе которыхъ, какъ и тогда, состоятъ изъ собакъ и оленей, одежда — изъ шкуръ ихъ, а пища изъ рыбы и мяса, добываемыхъ охотой.

П. Поповъ.

Древнѣйшія арабскія извѣстія о празднованіи Нау- рұза въ Сасанидской Персіи.

(I. Народные календарные праздники. Персидскіе элементы въ Исламѣ — Наурұзъ и Рұзи-катль. Арабскія извѣстія о Наурұзѣ. Китъбъ-аль-махъсинъ уа-ль-аддъаъ и извѣстія Кисравъ. II. Переводъ извѣстій Кисравъ. III. Сказанія о началѣ Наурұза. Церемониальное раздѣленіе мѣсяца и дней его. IV. Церемонія поздравленія — поздравитель и обрядовый столъ. Современныя параллели къ этому обычаю. V. Похищеніе воды и одареніе главы еврейской общины. Объясненія изъ процесса переживанія. VI. Посѣвъ и сборъ хлѣбныхъ растений. «Адонисовы сады» въ старой Персіи. VII. Персидскія пѣсни въ Наурұзѣ. Пѣвецъ Фах-лабадъ).

I.

Народные праздники, — тѣ моменты народной жизни, когда «религіозные, нравственные и поэтическіе идеалы народа принимаютъ видимый образъ»¹⁾, — весьма мало привлекали вниманіе изслѣдователей быта и фольклористовъ. Проф. Шрадеръ недавно указалъ на то, что сравнительная «эртологія», сравнительное изученіе народныхъ праздниковъ, несмотря на богатство матеріала, едва лишь начата и что, прежде чѣмъ удастся возстановить древнѣйшія формы, понадобится значительное количество времени и труда на изученіе различныхъ, справлявшихся въ историческое уже время праздниковъ²⁾. Однако, несмотря на это, по мнѣнію того же проф. Шрадера, въ настоящее время уже возможно выяснитъ нѣкоторыя общія формы народныхъ празднованій и установитъ связь этихъ празднованій съ нѣкоторыми другими явленіями народной жизни. Такъ, какъ одно изъ главныхъ общихъ положеній, можно установить тѣсную связь праздниковъ съ раздѣленіемъ времени, календарный характеръ народныхъ праздниковъ³⁾. Этотъ характеръ сказался и въ нынѣ занимающемъ насъ персидскомъ народномъ праздникѣ Наурұзѣ.

1) J. Burckhardt, Die Cultur der Renaissance in Italien, II, Leipzig, 1901⁸, 124.

2) O. Schrader, Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde, Strassburg, 1901, 978.

3) O. c., 552, 977.

ДОПОЛНЕНИЕ

къ статьѣ «О Тырскихъ памятникахъ».

Уже по отпечатаніи своей статьи я получилъ отъ профессора П. Шмидта изъ Владивостока отвѣтъ на запросъ относительно чжурчженскаго текста на Тырскихъ памятникахъ. Вотъ что пишетъ проф. Шмидтъ:

«На Тырскомъ памятникѣ дѣйствительно находится надпись «на чжурчженскомъ языкѣ, но памятникъ прикрѣпленъ цементомъ къ полу (въ Музеѣ) и чжурчженская надпись стоитъ къ «двери, которая теперь заштукатурена. Поэтому я раньше не «нашелъ чжурчженскихъ знаковъ».

П. Поповъ.

較修奴兒于永寧寺碑記

伏聞天之德高明故能遺情地之德博厚故能持載聖人之德神聖故能悅近而
服遠博施而濟眾洪惟我
朝統一以來天下太平五十年矣九夷八蠻掃山航海駢肩接踵指頽於
闕廷之下有良牧舉國東北奴兒于國道在三譯之表其民曰吉列達及諸種野
人雜居馬皆望風從化未能自至況其地不生五穀不產布帛養春惟狗或野
為言是以
皇帝遠使至其國 安
矣
聖心 布未善承樂九年春特遣內官亦失哈 率官軍一千餘人巨船二十五艘
復至其國開說奴兒于同 民 故事
今日復見

上皇 節印信賜以衣服 布鈔大寶 依奇兵與 收集舊部人民使之
自相統屬十年冬
天子 令上宮亦失哈 至其國自海西抵奴兒于及海外苦衷請民賜 婦以承
服器用給以穀米宴以酒食皆 懼忻無一人擾化不率者
上 賜金印 地而建 化斯民使知款順
上以 民相 十一年秋 奴兒于西有 滿涇站之左山高而秀麗於是遠
建觀音堂於其上今遠寺塑佛形貌 雅 國之老幼遂近濟濟爭趨

皆曰 威 永無虜度而安 矣既而曰 古以來未聞若斯
民之 忻下至于孫孫世世臣服永 德意矣以斯觀之萬方
之外率土之民不饑不寒歡 感戴拜矣堯舜之治 九州之內今我
皇上 加恩於蠻夷戎狄不假兵威莫不朝貢內屬中庸曰天之所覆

地之所載日月所照霜露所墜凡有血氣者莫不尊親故曰 配天正聲我
云爾

至誠無息與天同體 無尚也 威 故 以誌億萬年不朽

十一年九月 日